

С. Г. Салмина

К ВОПРОСУ ОБ ИНСТИТУТЕ МЕДИАЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассмотрены некоторые аспекты института медиации в уголовном процессе. Автором сформулировано авторское понятие «медиатор». Особое внимание обращено на процедуру примирения сторон в рамках уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Приведены примеры использования в субъекте России служб примирения в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: медиация, примирение сторон, уголовное судопроизводство, посредник в примирительной процедуре.

ON MEDIATION INSTITUTE IN CRIMINAL PROCEDURE

The article considers some aspects of mediation in criminal procedure. The author has defined the author's notion "mediator". Special attention is paid to conciliation procedure in criminal procedure legislation. There are examples of use of mediation services in educational institutions of the Russian territorial entity

Key words: mediation, settlement between litigants, criminal proceedings, facilitator in conciliation procedure.

*«Время потому исцеляет скорби и обиды,
что человек меняется: он уже не тот, кем был.
И обидчик, и обиженный стали другими людьми» [3, 55]*

Блез Паскаль (1623–1662)

Услышать в спорной ситуации другого человека и самому быть услышанному, примирится с обидчиком, когда им причинен ущерб, с возможным обращением за помощью к посреднику, контролировать самому процесс восстановления отношений и взаимодействовать между собой в дальнейшем при надобности – это и есть медиативный подход при разрешении конфликта.

Институту медиации в России посвящено достаточное количество научных работ. При этом учитывается отечественная практика и зарубежный опыт процедуры прекращения уголовного и гражданского дела в рамках примирения сторон. Шесть лет назад в России начала реализовываться альтернативная процедура урегулирования споров с участием посредника (процедура медиации), которая регламентируется Федеральным законом (далее по тексту – Закон о медиации) [6]. В ч. 2 ст. 1 данный закон осуществляет регулирование отношений, связанных с применением процедуры медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых правоотношений и семейных отношений. Невольно возникает вопрос, почему в этом законе нет упоминания об уголовно-правовых отношениях? На этот счет законодатель посчитал дать расплывчатый ответ, который проявляется в ч. 3 ст. 1 Закона о медиации, где сказано, что «если споры возникли из иных, не указанных в части 2 настоящей статьи, отношений, действие настоящего Федерального закона распространяется на отношения, связанные с урегулированием таких споров путем применения процедуры медиации только в случаях, предусмотренных федеральными законами». Исходя из этого, А. С. Пашин делает правильный вывод, что «для распространения данного Федерального закона на иные правоотношения, к которым можно отнести отношения, связанные с процедурой примирения сторон по уголовным делам, должно быть специальное указание об этом в соответствующих законах» [8]. В данном случае такое указание в российском уголовно-процессуальном кодексе отсутствует.

Закон о медиации, по нашему мнению, является модельным законом, именно поэтому он должен оптимально и однозначно охватывать сферы правовых отношений людей в обществе, избегать употребления выражения «иные правоотношения», обеспечивая тем самым единство правовой системы в России.

Это завуалированная формулировка «иные правоотношения» в рассматриваемом законе позволяет в нашей стране говорить о разноаспектности медиации в уголовно-правовом пространстве.

За время действия Закона о медиации достаточность научного медиативного потенциала наглядно представлена в материалах проведения международных и всероссийских научно-практических конференций, изданиях отдельных монографий на основе защищенных диссертационных исследований [1; 2; 4, 55; 5; 11; 14].

В юридической литературе позиции о востребованности и возможной реализации восстановительной юстиции по уголовным делам разделились. Одни известные российские ученые беспрекословно признают данный институт, что вызывает научный интерес с точки зрения выработки ими особого подхода [1; 2; 4; 5; 11; 14] к вопросу медиации в уголовном процессе, выразившийся в конструктивных предложениях по изменению уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Другие, в свою очередь, считают, что говорить о его внедрении преждевременно [13].

Несмотря на то, что в ст. 2 Закона о медиации содержится следующее определение медиатора: медиатор, медиаторы – независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора, считаем, что давно назрела необходимость включить понятие «медиатор» в уголовно-процессуальное законодательство.

Многообразие точек зрения по вопросу определения понятия «медиатор» говорит об отсутствии единства взглядов в юридической литературе в отношении его. Так, известные российские ученые – эксперт Московской школы конфликтологии Р. Р. Максудов и юрист, член Независимого экспертно-правового совета С. А. Пашин предлагают дополнить статью 5 УПК РФ пунктом 14², который будет содержать рассматриваемое нами понятие, а именно: «... медиатор – прошедший специальную подготовку в качестве медиатора независимый посредник между сторонами, привлекаемый судом, следователем, дознавателем для участия в примирении сторон» [9]. Не вступая в дискуссию, предпримем попытку дать авторское определение медиатора для включения его в уголовно-процессуальный кодекс.

Медиатор – лицо, привлекаемое к участию в уголовном судопроизводстве, в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, владеющее навыками посредничества, знание которых необходимо для примирения сторон.

При упоминании выражения «применение медиации в сфере уголовно-правовых отношений» первое, что приходит на ум практически любому юристу, – это примирение лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, с потерпевшим с выполнением обязательного условия такого процесса, как заглаживание причиненного потерпевшему вреда (ст. 76 УК РФ). Согласно ст. 25 УПК РФ процессуальным документом данного действия является постановление следователя или дознавателя о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Безусловно, окончательный вердикт по уголовному делу выносит суд, ибо он правомочен, а не обязан соглашаться с таким развитием события.

Думается, что небезынтересно было бы рассмотреть понятие «заглаживание причиненного вреда». Верховный суд Удмуртской Республики под заглаживанием причиненного вреда определил «возмещение любого вида вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Это может быть выражено в денежной компенсации, в восстановлении имущества, которое было уничтожено или повреждено, оплате лекарств или лечении потерпевшего, принесении извинений. При этом определяющим для суда должно быть мнение потерпевшего о том, что причиненный ему вред заглажен. Если потерпевший не имеет никаких материальных или моральных претензий к виновному лицу, считает, что причиненный ему вред полностью возмещен, то прекращение дела возможно, независимо от способа возмещения вреда» [7].

Одним из примеров судебной практики на югорской земле является ситуация, когда Няганский городской суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры вынес постановление о прекращении уголовного дела на основании ст.ст. 25, 239 УПК РФ и ст. 76 УК РФ по факту кражи сотового телефона (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ) в отношении гр. П. Суд в мотивировочной части указал: «учитывая, что гр. П. совершил преступление средней тяжести, к уголовной ответственности привлекается впервые, между обвиняемым и потерпевшей состоялось примирение, о чем свидетельствуют их заявления, суд считает возможным освободить его от уголовной ответственности и прекратить уголовное дело» [10].

Институт медиации в уголовном процессе требует практического осмысления и в реальных условиях, он чаще всего применяется в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность по российскому закону. Такая практика применяется на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в форме служб примирения. Так, по данным Пресс-центра Правительства Югры, «развитие служб примирения в образовательной среде Югры основывается на приоритетах, определенных Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2017 годы... В настоящее время в образовательных организациях Югры работают 272 службы примирения. Помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, оказывают 867 человек, среди которых как взрослые, так и дети» [12].

Важность деятельности служб примирения в образовательной среде определена на государственном уровне путем законодательного закрепления и направлена на создание отлаженной системы профилактической и воспитательной работы путем оказания социально-психологической помощи подросткам в целях осознания и заглаживания вины перед потерпевшим.

Думается, что реализация института медиации в уголовном процессе будет способствовать масштабному оказанию посреднических услуг в разрешении уголовно-правовых конфликтов, запуску механизма примирения сторон с участием медиатора, быстрому и своевременному принятию мер к подросткам, склонным к правонарушениям, снижению роста числа преступлений, совершаемых молодежью, созданию условий, которые не содействовали бы развитию у несовершеннолетних преступной «карьеры».

Литература

1. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе [Текст] : дисс. канд. юрид. наук / А. А. Арутюнян. – Москва, 2012. – 262 с.
2. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе [Текст] / А. А. Арутюнян. – Москва : Инфотропик, 2013. – 200 с.
3. Дущенко, К. В. Мастера афоризма [Текст] / К. В. Дущенко. – 3-е изд., испр. – Москва, Эксмо, 2008. – 896 с.
4. Карнозова, Л. М. Медиация по уголовным делам в российской правовой системе [Текст] / Л. М. Карнозова // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сборник материалов ; сост. А. Ю. Коновалов. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. – С. 31–70.
5. Незнамова, З. А. Есть ли медиативный потенциал у уголовного права России [Текст] / З. А. Незнамова // Медиативный потенциал уголовного права : материалы VII Международной научно-практической конференции памяти Заслуженного деятеля науки РСФСР, д.ю.н., профессора М. И. Ковалева (20–21 февраля 2010 г.). – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2011. – С. 81–88.
6. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Текст] : Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Российская газета. – 2010. – 30 июля.
7. Обобщение Верховного суда Удмуртской Республики «Ответы Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда УР на вопросы судов, касающиеся применения УПК РФ

и УК РФ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.02.2017).

8. Пашин, А. С. Экспертное заключение на ФЗ-193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Текст] / А. С. Пашин // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сборник материалов ; сост. А. Ю. Коновалов. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. – С. 74.

9. Пашин, С. А. Предложения по изменению Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, 2009 г. [Текст] / С. А. Пашин, Р. Р. Максудов // Восстановительная медиация в России: правовое обеспечение и стратегия развития : сборник материалов ; сост. А. Ю. Коновалов. – Москва : МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2013. – С. 112.

10. Прекращено дело о краже сотового телефона в связи с примирением сторон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospravosudie.com/court-nyaganskij-gorodskoj-sud-xantu-mansijskij-avtonomnyj-okrug-s/act-107301845/> (дата обращения 20.02.2017).

11. Розенко, С. В. О содержании медиативного элемента российского уголовного права [Текст] / С. В. Розенко // Медиативный потенциал уголовного права : материалы VII Международной научно-практической конференции памяти Заслуженного деятеля науки РСФСР, д.ю.н., профессора М. И. Ковалева (20–21 февраля 2010 г.). – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2011. – С. 142–146.

12. Службы примирения Югры помогают детям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://press.admhmao.ru/press-relizy/611511/> (дата обращения 20.02.2017).

13. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти Заслуженного деятеля науки РСФСР, д.ю.н., профессора М. И. Ковалева (20–21 февраля 2010 г.) [Текст]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 2011. – 328 с.

14. Сумачев, А. В. Институт частного уголовного преследования (в аспекте повышения медиативного потенциала уголовного права России) [Текст] / А. В. Сумачев // Медиативный потенциал уголовного права : материалы VII Международной научно-практической конференции памяти Заслуженного деятеля науки РСФСР, д.ю.н., профессора М. И. Ковалева (20–21 февраля 2010 г.). – Екатеринбург : Урал. гос. юрид. акад., 2011. – С. 113–121.